

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
МОСКВА
1 СЕНТ 1969

Андрей КУЗНЕЦОВ

Когда мой сын стал старшеклассником, школьные проблемы стали моим бытом, и тут выяснилось, что я уже не могу ни о чем другом думать и ни о чем другом писать. Словно вслед за сыном переходя из класса в класс, я написал «Разбитое окно» — о семиклассниках. «Великого конспиратора» — о девятиклассниках, «Одной любовью меньше» — о выпускниках.

Но вот сын окончил школу и стал студентом, а «школьная» проблематика меня все не отпускает. И теперь самое время задуматься: почему?

Я это понял, когда на премьере своей пьесы «Одной любовью меньше» в Калининском ТЮЗе следил за реакциями зрителей — а они были бурными и совсем не однородными. Я чувствовал себя не просто автором пьесы, а участником ярост-

ного спора о жизни, который вызвала судьба моей героини. Но если пьеса не вызывает острого столкновения точек зрения, бурных дискуссий в зрительном зале, ей не место в юношеской аудитории. Даже комедия положений. Вот только что я закончил пьесу «Московские каникулы». В ней два товарища-девятиклассника вынуждены выдавать себя друг за друга. Но для меня в этой пьесе главное, чтобы ребята не только весело смеялись над приключениями моих незадачливых героев — без этого нет комедии! — но и думали о том, кто же из них прав, как бы они сами, зрители, вели себя в подобной ситуации.

А сейчас я много размышляю о партизане-школьнике Шуре Чекалине, о его бесмертном подвиге и мечтаю написать о нем пьесу.

Мы нынче часто говорим о проблеме преемственности поколений. Девятиклассник Шура Чекалин мог бы стать отцом нынешних девятиклассников. Как они, он был думающим и веселым парнем, охотником до шуток и розыгрышей. Но пришел час испытаний — и он стал бойцом, отдавшим жизнь за Родину. В новой своей пьесе я хочу протянуть мост от шестнадцатилетних периода Отечественной войны к нынешним шестнадцатилетним и доказать, что, несмотря на многие внешние отличия, они «слеплены» из одного теста. Дело, собственно, не в том, чтобы «доказать», — сама жизнь, подвиг героев Даманского сделали это лучше всего, — а в том, чтобы выразить это свое убеждение в полнокровных художественных образах.